

© 2013 г.

Ю.В. ИВАНОВ

О СОВЕТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ С ПОЛЬШЕЙ В 20–30-е годы XX века

Наши отношения с Польшей с самого начала возникновения польского государства в ноябре 1918 г., несмотря на периодически предпринимаемые Москвой дипломатические усилия по их нормализации, были далеки от добрососедских. Польша держала себя заносчиво, позволяла себе недружественные акты, а польская печать, формировавшая внутреннее общественное мнение, открыто проводила антироссийскую, антисоветскую кампанию. Из знаковых событий, омрачавших двусторонние отношения в этот период, можно отметить расстрел в Польше в январе 1919 г. российской миссии Красного Креста, войну 1919–1920 гг., цепь покушений на работников полпредства и консульств СССР, убийство в Варшаве в 1927 г. советского полпреда. В области большой дипломатии Польша проводила курс на установление “санитарного кордона”, пытаясь изолировать Россию, она стремилась создать под своей эгидой антисоветский блок из Румынии, Финляндии и прибалтийских государств. В ответ советское руководство, учитывая возможность нового вооруженного нападения со стороны Польши в одиночку или вкупе с другими государствами, разрабатывало свои стратегические планы.

Казалось бы, при подобном состоянии государственных отношений в 20–30-х годах всякое сотрудничество между странами в области культуры было исключено. Тем не менее, как это, на первый взгляд, ни покажется парадоксальным, такие связи имели место и, хотя их объем был сравнительно небольшим, они оказывали свое позитивное воздействие на общее состояние взаимоотношений. Правда, первые годы после заключения Рижского мирного договора в 1921 г. в этой области были совершенно бесплодными. Постепенно, однако, происходят положительные изменения. В Польше начинает возрождаться интерес к русской литературе, музыке, театру, живописи, который существовал всегда.

Мы не затрагиваем вопросы научных связей, но они также имели место. В основном эти контакты сводились к участию в довольно часто организуемых в то время различных научных конгрессах и съездах. В 20–30-х годах в Польше в целях повышения престижа страны организовывались международные конференции с приглашением представителей славянских стран (конгрессы учителей, врачей, географов, историков и т.п.), от участия в которых Советская Россия, получая такое приглашение, как правило, уклонялась. Так, например, Москва отказалась направить в 1934 г. делегацию на конгресс славистов. Дело в том, что после Октябрьской революции 1917 г. в России в партийном и государственном порядке жестко преследовались всякого рода идеи о сотрудничестве или единстве славянских народов, а попытки участвовать в каких-либо славянских международных или региональных организациях

Иванов Юрий Васильевич – дипломат, специалист по истории Польши и советско / российско-польским отношениям.

неизменно осуждались как проявление российской великодержавности и русского шовинизма¹.

О необходимости расширения культурных связей с Польшей стали говорить, как ни странно, после военного переворота в мае 1926 г. Ю. Пилсудского, известного своими антироссийскими взглядами. Было даже принято соответствующее постановление директивных органов, а во Всероссийском обществе культурных связей (ВОКС) был сверстан специальный план работы “по культурному сближению с Польшей”². В Наркомате иностранных дел (НКИД) СССР этот план на политическом языке того времени характеризовался как “сближение с нами передовых элементов польской общечеловечности”³.

В плане речь шла, в частности, о снабжении польских газет информацией и статьями о Советском Союзе, о продвижении советских кинофильмов, о взаимном обмене литераторами, художниками, артистами и учеными, об установлении связей в области спорта и т.п. Следует подчеркнуть, что активную организационную роль в осуществлении культурных контактов играло советское полпредство в Варшаве, один из старших дипломатов которого являлся также представителем ВОКС. Подобное совмещение обязанностей длительное время практиковалось и после 1945 г.

Настоящий прорыв произошел в январе 1927 г., когда наши представители приняли участие в международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве, на котором первое место было присуждено Л. Оборину, а четвертое – Г. Гинзбургу⁴. Эта победа советских исполнителей заметно поколебала бытовавшую в то время в Польше точку зрения о том, что в Советской России нет “никаких культурных достижений, все старое разрушено, разграблено, ничего не сделано, полное одичание”⁵. Советское участие в шопеновских конкурсах становится традиционным. В 1937 г. первые места снова заняли советские пианисты Я. Зак и Р. Тамаркина. В 1935 г. триумфальным было также участие советских исполнителей Д. Ойстраха и Б. Гольдштейна в скрипичном конкурсе имени Венявского.

Успех советских музыкальных исполнителей на шопеновском конкурсе, их триумфальные концерты по стране не остались незамеченными в кругах, формирующих внешнюю политику СССР. Член коллегии НКИД СССР Б. Стомоняков писал: “Работа по линии культурного сближения между нами и Польшей представляет значительный политический интерес, но, к сожалению, мы до сих пор обращали на нее слишком мало внимания. При тех отношениях, которые сложились у нас с Польшей, культурное сближение может быть важным фактором политического сближения”⁶.

Частыми гостями на гастролях в Польше были Л. Оборин, Д. Ойстрах, М. Максакова, В. Барсова (почти ежегодно вплоть до 1936 г.), Г. Гинзбург и др. В 1934 г. в Польше выступал И. Ильинский. Как правило, местная публика тепло принимала концерты с их участием, они всегда имели хорошую прессу, чего нельзя сказать о советской печати. Так, по возвращении из турне по Латвии, Литве и Польше Максакова в интервью “Вечерней Москве” 16 февраля 1936 г. позволила себе несколько пренебрежительных замечаний по поводу уровня культурной жизни в Польше. В связи с этим польская газета “Иллюстрированы курьер подзенны” от 22 февраля 1936 г. поместила едкую заметку под заголовком “Неблагодарная Максакова”.

¹ Так, например, за подписью заведующего 1 Западным отделом НКИД СССР Н.Я. Райвида и его помощника Л.Я. Гайкеса 4 августа 1933 г. в полпредство ушло указание: «В соответствии с нашей общей отрицательной установкой в отношении всякого рода начинаний под флагом “славянства”, мы решили отклонить предложение, полученное на имя наших медицинских организаций, об участии в IV съезде славянских врачей в Познани». – Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0122, оп. 17, п. 165, д. 8, л. 28.

² Там же, оп. 10, п. 128, д. 61, л. 30.

³ Там же, л. 55.

⁴ Третьим представителем СССР был Д. Шостакович, но он по болезни выступил ниже своих возможностей и не прошел в финал конкурса.

⁵ АВП РФ, ф. 0122, оп. 10, п. 129, д. 68, л. 122–130.

⁶ Там же, оп. 10, п. 129, д. 68, л. 131.

Стали осуществляться поездки видных советских деятелей культуры в Польшу. Из литераторов, например, во второй половине 20-х и в 30-е годы неоднократно приезжали И. Эренбург и Б. Пильняк, встречались с творческой интеллигенцией Л. Сейфуллина, В. Маяковский, визит которого польская сторона, правда, оценила негативно из-за его неординарных, порой оскорбительных высказываний в адрес принимающей стороны. Приезд Б. Лавренёва вызвал большой интерес в польских либеральных кругах. Он посетил, в частности, Пен-клуб и присутствовал на театральной постановке “Сорок первого”. Романист Л. Никулин по возвращении из Польши предложил “найти какую-то форму и наладить оборвавшиеся культурные связи с оппозиционными писателями”⁷. В 1934 г. в связи с переводом на польский язык “Двенадцати стульев” и “Золотого теленка” в Варшаве находились И. Ильф и Е. Петров.

В Польше с 1927 г. стали появляться переводы произведений И. Эренбурга, Л. Леонова, Б. Пильняка, П. Романова, М. Зощенко и др. Начали издавать 12-томную библиотеку современных писателей: успели выпустить однотомники Вс. Иванова, Б. Лавренёва, С. Клычкова, В. Маяковского, К. Федина, С. Есенина, а планировался выпуск томов еще М. Шолохова, М. Горького, М. Ильина, А. Авдеенко, Л. Рубинштейна и др. Книги расходились хорошо. В Москве, правда, сетовали на то, что издаются больше “попутчики”, а не пролетарские писатели, но особых препятствий не чинили.

Большим достижением можно назвать договоренность о выпуске специальных номеров журналов, полностью посвященных литературе другой стороны. После длительной подготовки такой номер польского журнала “Вядомости литерацке” появился в октябре 1933 г.⁸, а польский номер “Литературной газеты” – в июле 1935 г. Причем, в отличие от польской стороны, наш номер не распространялся в открытой продаже, его не получили даже подписчики газеты, что было замечено польской стороной и поставило нас в довольно двусмысленное положение.

Что касается советских фильмов, то в Польше успехом они не пользовались. Как сообщало полпредство, “польская публика любит смотреть преимущественно американские фильмы и легкие фарсы, наши фильмы для них тяжеловаты”⁹. А вот музыкальная комедия “Веселые ребята” польскому зрителю понравилась. Следует отметить, что польская цензура отбирала советские фильмы для проката весьма строго, по политическим соображениям не пропускала на экран такие ленты, как, например, “Броненосец Потёмкин”, “Мать”, “Путевка в жизнь”, “Чапаев”, “Александр Невский”, “Петр I”, которые позднее составили классику советского кино.

В это время в полпредстве работают над созданием Общества культурного сближения Польши с СССР, над подписанием так называемой культурной конвенции о защите авторских прав, а также над созданием в Варшаве книгообменного центра и специализированного магазина советской книги. Хотя все эти проекты в 1935 г. были отклонены польской стороной, однако сама их постановка показывает, насколько серьезно в Москве были готовы сотрудничать с Польшей в области культуры.

В свою очередь за эти годы в СССР побывали известные польские театральные режиссеры А. Зельверович, Л. Шиллер, С. Ярач (дважды). Приезжали также поэты Ю. Тувим, В. Броневский, А. Слонимский, известный публицист С. Мацкевич (Цат), написавший затем для польской печати ряд не всегда и не во всем благожелательных для СССР статей¹⁰. Из польских вокалистов особым успехом в России пользовались Э. Бандровская, Я. Кепура, А. Чаплицкий и др. Так что сотрудничество не было односторонним.

⁷ Там же, ф. 056, оп. 20, п. 43, д. 13, л. 42.

⁸ Там же, ф. 0122, оп. 19, п. 172, д. 21, л. 25.

⁹ Там же, оп. 10, п. 129, д. 68, л. 123.

¹⁰ С. Мацкевич-Цат был немедленно записан в антисоветчики. Уже после Второй мировой войны, когда он в 50-х годах вернулся из эмиграции в Польшу, отношение к нему в СССР оставалась также предвзятым.

А вот обмен газетами так и не удалось наладить, за исключением еврейских, хотя и здесь имели место существенные ограничения¹¹. Польская цензура практически не пропускала в страну советскую периодическую печать, причем это касалось не только партийных газет, но и большинства профсоюзных, научных и культурных журналов, например “Авиация и химия”, “Аграрные проблемы”, “Рабочий театр”, “Вестник воздушного флота”, “Физкультура и спорт”, “Изобретатель” и другие¹². Справедливости ради надо сказать, что аналогичное отношение к польской прессе было и у советской стороны. В переговорах с поляками по данному вопросу руководствовались строгими указаниями сверху о том, что “польские газеты в настоящий момент не могут быть допущены на территорию СССР”¹³. Советское предложение разрешить продавать официозы двух стран: в Польше – “Известия”, а в СССР – “Газету польску” не было принято¹⁴.

Надо честно признать, что Польша ограничивала распространение советских газет потому, что в них делались антипольские выпады, которые давали основание посольству Польской Республики в Москве направлять в НКВД СССР официальные ноты протеста¹⁵, и публиковались карикатуры, оскорбляющие польские государственные символы и лично Пилсудского: “Гудок” изобразил польский герб в виде орла-стервятника, журнал “Коммунист” (Харьков) – Пилсудского, смывающего кровь с рук¹⁶, а “Красная Звезда” – карикатуру на президента страны Мосьцицкого и Пилсудского¹⁷.

Однако можно утверждать, что культурные связи способствовали формированию узкого слоя польской интеллигенции, благожелательно относящейся к СССР, ведь не побоялись же в той сложной политической атмосфере прислать поздравительные телеграммы М. Левоневский¹⁸ и М. Спасовский¹⁹ в связи со спасением челюскинцев в 1934 г.!

Польские власти с беспокойством смотрели на присутствие советской культуры в стране, всячески стремились затормозить дальнейшее развитие связей. Как писал в дневнике первый секретарь полпредства СССР в Варшаве в 1928 г., “поляки за последнее время под различными предлогами стали чинить препятствия приезду наших артистов, прямо заявляя, что директор департамента искусств министерства просвещения Скотницкий вообще возражает против приезда советских артистов и художников в Польшу”²⁰.

Явные признаки заметного свертывания польско-советских культурных связей обозначились в 1934 г. после подписания Польшей в январе того же года декларации о неагрессии с Германией: театральная труппа А. Зельверовича запретили выезд на гастроли в СССР, по сути дела следует отказ принять московский театр Вахтангова, снижаются закупки советских фильмов²¹, производятся обыски и выемки книг советских авторов в различных книжных магазинах страны. В 1937 г. в Польше конфискованы тиражи

¹¹ АВП РФ, ф. 0122, оп. 18, п. 170, д. 38, л. 1.

¹² Там же, ф. 122, оп. 16, п. 53, д. 20, л. 11.

¹³ Там же, ф. 0122, оп. 19, п. 172, д. 21, л. 36.

¹⁴ Там же, оп. 18, п. 170, д. 38, л. 6.

¹⁵ Как подчеркивалось в нотах, выступление секретаря ЦК компартии Украины П. Постышева “Под ярмом польских помещиков и капиталистов” (Правда, 18.XII.1935) и враждебный в отношении Польши тон выступления председателя украинского правительства П. Любченко в феврале 1936 г. “не соответствуют польско-советским отношениям”. – Там же, ф. 122, оп. 19, п. 59, д. 12, л. 1, 15.

¹⁶ Там же, п. 34, д. 13, л. 4.

¹⁷ “Красная Звезда” за 1929 г. № 82.

¹⁸ М. Левоневский – родной брат Героя Советского Союза А.В. Левоневского – также летчик, погиб в 30-х годах на территории Чувашской АССР во время установления рекорда полета на дальность. СССР в 1945 г. материально помогал их матери.

¹⁹ М. Спасовский – ректор педагогического института, его сын, Р. Спасовский, в 1970-х годах был вице-министром иностранных дел, а затем послом ПНР в США.

²⁰ АВП РФ, ф. 0122, оп. 12, п. 143а, д. 38, л. 94.

²¹ В 1934 г. мы продали Польше 22 фильма, не закупив ни одного.

повести Л. Пантелеева “Пакет”, сборников стихов П. Антокольского, В. Маяковского и частушек А. Весёлого, избранных произведений В. Инбер, “Ночи” Б. Ясенского, а также “Конармии” И. Бабеля (нынешние польские публицисты и историки считают это произведение чуть ли не самым правдивым архивным источником советско-польской войны 1919–1920 гг.)²².

Польская сторона в 1935 г. не пустила в Москву литераторов Л. Кручковского, В. Броневского и Ю. Тувима, приглашенных на Первый съезд советских писателей. В Польше усиливается и внутренняя цензура: конфискована новая книга М. Спасовского “СССР”. В мае 1934 г. в переписке НКВД с полпредством констатируется, что “советско-польское сближение на данном этапе можно считать, в основном, законченным. Все говорит за то, что Пилсудский не желает идти на дальнейшее сближение с СССР”²³. Как писало советское полпредство в 1935 г. “времена наступили в Польше тяжелые, симпатии для СССР становятся немодными и опасными”²⁴, а в 1937 г. подчеркивает “возрастающее гонение польских властей на все, что способно возбудить симпатии к СССР”²⁵ и “полный зажим нашего культурного проникновения”²⁶. К 1939 г. почти все контакты между нашими странами в области культуры прекратились. Последней инициативой польской стороны было предложение провести встречу сборных футбольных команд в Варшаве 15 октября 1939 г. Но, как оказалось, это было запоздалое предложение – началась война.

²² АВП РФ, ф. 122, п. 48, д. 13, л. 51.

²³ Там же, ф. 05, оп. 14, п. 99, д. 61, л. 66.

²⁴ Там же, ф. 0122, оп. 19, п. 172, д. 21, л. 44.

²⁵ Там же, ф. 122, оп. 20, п. 62, д. 26, л. 9.

²⁶ Там же, ф. 0122, оп. 21, п. 178, д. 3, л. 15.